

Еникеев А. А.

кандидат философских наук,
доцент КубГАУ, г. Краснодар

ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ «КЛИПОВОГО МЫШЛЕНИЯ» ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

Статья посвящена обсуждению перспектив развития современной философии и ее возможностей в эпоху постмодерна. В качестве ключевого концепта рассматривается идея «клипового мышления», которая является наиболее ярким проявлением культуры постмодернизма. Идея клипового мышления конкретизируется через клипы в философии, показывающие различные стороны современного философского дискурса. Делается вывод о том, что современная философия должна использовать гипертекст как способ коммуникации, а также различные стратегии чтения и письма для определения своего места (топоса) в культуре эпохи постмодерна.

Ключевые слова: клиповое мышление, постмодерн, философия, текст, дискурс.

Enikeev A. A.

candidate of philosophy, associate Professor,
Kuban state agrarian University, Krasnodar

IMAGES OF MODERN PHILOSOPHY IN THE CONTEXT OF “CLIP THINKING” OF THE POSTMODERN ERA

The article is devoted to the discussion of the prospects of development of modern philosophy and its possibilities in the postmodern era. The key concept is the idea of “clip thinking”, which is the most striking manifestation of the culture of postmodernism. The idea of the clip's thinking is concretized through the clips in the philosophy showing different sides of contemporary philosophical discourse. It is concluded that modern philosophy should use hypertext as a means of communication, as well as various strategies of reading and writing to determine its place (topos) in the culture of the postmodern era.

Key words: clip thinking, postmodern, philosophy, text, discourse.

Эпоха постмодерна выдвинула новые требования к структуре, логике и поэтике философского текста, тем самым существенным образом изменив роль философского дискурса в современной гуманитарной культуре. Поиск философией приемлемых форм легитимации собственного дискурса вынуждает прибегать к метафорическому арсеналу языка в решении во-

проса об идентичности философского текста. Отсюда необходимость описания тех образов (но не образцов), которые применяет современная философия для актуализации собственных интеллектуальных инвестиций в культуру эпохи постмодерна. Множественность этих «образов» склоняет читателя видеть мозаичную структуру современного философского дискурса, что в современной научной литературе тематизируется как «клиповое мышление».

Клиповое мышление является достаточно распространенной проблемой при рассмотрении специфики развития современного информационного общества. Некоторые авторы рассматривают данный тип мышления как форму обыденного сознания [11], продуцирующей своеобразного «функционального дурака». «В попытке зафиксировать изменяющуюся реальность носитель обыденного сознания выступает как «функциональный дурак», что было давно замечено различными исследователями» [11, с. 21]. И данный тип мышления представляет угрозу современному обществу, поскольку является вполне понятной формой «безмыслия». Другие исследователи рассматривают клиповое мышление как проявление естественного процесса развития информационного общества, своеобразный «когнитивный стиль», который приводит к делению всех индивидов на «людей книги» и «людей экрана» [5, с. 173]. Последние более склонны поддаваться манипуляции со стороны средств массовой коммуникации и это представляет всем известную угрозу, поскольку «...из-за распространения клипового сознания наше общество стоит перед угрозой культурной деградации» [5, с. 175].

Ряд исследователей обращают внимание на необходимость осмысления клипового мышления в контексте образовательных практик современности. Причем можно согласиться с тем, что данный тип мышления является естественным проявлением динамики развития современного информационного общества, и несмотря на недостатки (ослабление критической рефлексии и открытость для суггестивного воздействия) имеет и достоинства (нестандартный анализ большого количества информации) [12, с. 264]. Интересными также представляются взгляды на клиповое мышление в контексте проблем «текстовой культуры», например, К. Фрумкин утверждает, что данный феномен появился задолго до «экранной культуры» и поэтому все «стенания» современных педагогов несколько преувеличены [15]. Автор предлагает в этой связи заменить негативный концепт «клипового мышления» понятием «альтернативное мышление»: «Родовыми чертами альтернативной информации являются: высокая фрагментарность информационного потока; высокая разнообразие и разнородность поступающей информация; навык быстрого переключения между фрагментами информации. Альтернативное мышление и альтернативная культура свидетельствуют о замене избытка времени его дефицитом, и эстетики – прагматикой. Клиповость есть образ жизни человека, который вынужден

постоянно «хвататься то за одно, то за другое дело» – формула, вполне универсальная для современного человека» [15, с. 33].

Если говорить о проблеме клипового мышления в контексте философской культуры современности, то некоторыми исследователями этот тип мышления сравнивается со «стереотипным» и «ризоматическим» мышлением [10]. Заслуживает идея того, что «собрание» мышления и преодоление негативных последствий клипового и стереотипного мышления возможно через акты «чтения философии», о которых говорили еще Ж. Делез и Ф. Гваттари [4], именно чтение позволяет выстраивать «целостную картину» действительности, преодолевая фрагментарность текста [10, с. 41]. Можно согласиться с выводами авторов о перспективности ризоматического подхода к проблеме философского дискурса современности. «Ризома в какой-то мере является антиподом клипового мышления. Этот тип мыслительной деятельности выступает в качестве защиты от воздействия рекламно-информационного поля и обеспечивает свободу пребывания в мысли. Ризома элитарна по определению, как элитарны тексты, ее породившие. Но дальнейшее изучение феномена клипового мышления невозможно без учета ризоматического типа переработки информации и открывает перед гуманитарным знанием необходимость построения определенной образовательной парадигмы, целью которой будет изменение форм и методов подачи информации в условиях информационного общества» [10, с. 43].

Наиболее концептуальный и целостный подход к проблеме клипового мышления в философии демонстрирует известный отечественный исследователь современной культуры Ф. И. Гиренок. В своей книге «Клиповое сознание» (2016) констатирует тот факт, что академическая философия исчерпала свой эвристический потенциал, необходимо расширять пространство мышления за счет искусства и поэзии, а вовсе не науки. «Современная философия все менее склонна к академизму в своих рассуждениях. И не потому, что ее потеснили писатели-интеллектуалы, а потому, что она, спасаясь от схоластических проблем познания, обживает поэзию и искусство, которые говорят человеку больше, чем может сказать ему наука» [2, с. 6]. Если наука производит понятийное мышление, то современная философская культура требует иных форм выражения субъективности, которые Ф. Гиренок называет «клиповое мышление».

Основная идея «клипового мышления» заключается в том, что нужно переходить к новому типу мышления, от понятий к образам, от нарративов к клипам. И это не просто «веяние времени» и часть информационной культуры современного общества, это и требование динамики развития философского дискурса, вынуждающее современных философов по-новому писать и по-другому читать. «Нужно ли нам писать так, как писали еще в XX веке? Думаю, что нет, не нужно. В XX веке была тяга к гигантомании. Философы, такие как Сартр, писали огромные фолианты, в

которых они двигались со скоростью повозки, заглядывая во все закоулки мысли, рассказывая обо всем, что они увидели или могли увидеть, ссылаясь на рассказы других писателей. Нужно ли нам читать так, как читали в XX веке? Думаю, что не надо» [2, с. 12–13]. Меняется не только скорость философского текстопорождения и, соответственно, культурного потребления данных текстов, меняется сама логика мышления и поставленные перед философским дискурсом задачи. Сегодня философ должен уметь поражать читающую публику не размерами произведенного им фолианта или фундаментальностью поставленных перед научным сообществом задач, а скоростью реакции на актуальные события жизни общества (как это делает, например, С. Жижек), а также лаконизмом предлагаемых решений существующих проблем, так сказать, умением «творить концепты» (терминология Ж. Делеза). В этом смысле даже образование в вузе должно по мысли Ф. Гиренка сменить свой хронометраж. «Лектору нужно давать не 90 минут, а 10 минут для изложения своих или чужих мыслей. Все остальное время должно уйти на обсуждение» [2, с. 15].

Ф. Гиренок описывает ряд клипов в философии и в каком-то смысле заново отвечает на вопрос что такое философия сегодня. Первым клипом становится сама философия в своих претензиях стать знанием «некоторых» об универсальных категориях «для всех». «Философия – это то, при помощи чего меньшинство отделяет себя от большинства людей, отмахиваясь от них как от назойливых мух. Философия – это граница между большинством и меньшинством... Философию придумали умные люди, которые не принадлежали к большинству, у которых не было своего места в мире. Поэтому умные люди всегда неуместны и несвоевременны» [2, с. 21]. Вот поэтому для философии во все времена актуальным был вопрос о собственном статусе, месте в культуре, говоря современным языком, институционализация. Философ по своей природе маргинал, чужак, инакомыслящий, но он вынужден вступать в различные формы социальной и культурной коммуникации и, как любой адекватный человек, он хочет взаимности и понимания, несмотря на собственное инакомыслие и изначально маргинальный статус.

Второй клип в современной философии связан с переосмыслением роли мышления. «Традиционно философ понимается не как киник, а как платоник, то есть как мыслитель, а философия – как мышление. Философы – это мыслители. Они, говорит Хайдеггер, называются так, потому что мышление происходит главным образом в философии» [2, с. 23]. При этом философское мышление, в отличие от научного, не является понятийным в строгом смысле слова, здесь необходимо учитывать и чувственную составляющую данного процесса, целостность природы человека, если угодно. А человек по своей природе существо не только разумное, но и чувствующее, переживающее, страдающее, «грезящее» (термин Ф. Гиренка). Для современной философии подобный холизм кажется естественным, но

здесь требовался непростой переход от классической философской парадигмы (человек разумный) к неклассической (человек переживающий), который закономерно привел ко всему многообразию постмодернистских концепций. Ф. Гиренко настаивает на том, что мышление – это, в первую очередь, «греза», мечта, состояние аффекта, а не разумная и логически обоснованная деятельность. «Мышление – это логически упорядоченные грезы, путешествие воображения в то, что может оказаться истиной... Когда мы говорим о тайне мышления (а мышление – это тайна), то говорим о невыговариваемом в мышлении, о невысказанном, о том, что принуждает нас к мысли, но само мыслью не является» [2, с. 23].

Это важный поворот современной философии, поскольку идея «грезы» как движущее начало философского мышления является не столько маргинальной, сколько необычной антропологической идеей, требующей своего осмысления. Когда Ж.-П. Сартр утверждает, что человек – это проект, он также говорит о «грезе», намекая не столько на незаконченность человеческой жизни, проективно устремленной в будущее, сколько на принципиальную неполноту человеческого бытия. «Проект» у Сартра – это мечта, греза, утопия, фантазия и, в определенном смысле, «фантазм» (в терминологии Ж. Лакана и Ж. Бодрийера), которым живет человек в настоящем времени; это совершенная форма будущего, идеализированная модель возможного блаженства. Или, когда Эрнст Блох обосновывает стремление человека к «утопии», понимаемой не только как «ночная греза», но и как греза дневная, то он подчеркивает конструктивный, созидательный мотив такого «мечтания», без которого не было бы современного человека. «В утопии гуманизм достиг величия, и философия совершенно справедливо оказывается спекулятивной, когда акты, сведения, проблемы и постулаты Еще-Не-Бытия составляют ее центральную, и отнюдь не только эмпирическую, область деятельности» [1, с. 127]. Можно сказать, что основные формы правового, политического, морального и религиозного устройства западноевропейской цивилизации уходит корнями в «утопическую» картину мира и стремление человека мечтать, грезить, фантазировать. В этом смысле философия, в силу ее спекулятивности, трансцендентности и метафизичности является, по меткому замечанию Х. Л. Борхеса, «разнообразием фантастической литературы».

Переосмысление роли мышления в концепции Ф. Гиренко ведет и к переосмыслению роли метафизики как способа философствования. Понятно, что традиционная (метафизическая) философия исчерпала себя и не может являться формой современного философского дискурса, но здесь важна аргументация Ф. Гиренко, который называет это явление «двойной непрозрачностью философии». «Философское мышление обладает двойной непрозрачностью. Она непонятна большинству. А после того, как оно стало непонятным большинству, оно становится непонятно и самим философам, ибо их мысли сегодня куда-то улечиваются, а слова остаются, и эти сло-

ва ничего не говорят о мысли» [2, с. 24–25]. В этом высказывании важно не столько справедливая критика метафизического мышления, сколько идея дискурсивного разрыва (Гиренок называет ее «двойной непрозрачностью») современной философии. Разрыв с традицией, когда «слова ничего не говорят о мысли» и это приводит к завроженности «жаргоном подлинности» (термин Т. Адорно), который удерживает философию в области сакрального знания (культ избранных, нарочитая элитарность). И разрыв с повседневностью, потеря актуальности (современности), поскольку философия не в силах поддержать диалог с динамично меняющимися дискурсивными практиками современной массовой культуры. Рассчитывать на то, что «непонимание», в котором оказались многие современные метафизически ориентированные философы, «вдруг окажется светоносным» – это культивировать наивность на грани религиозного слабоумия. Философия дважды непрозрачна поскольку дважды потеряла свой язык: первый раз, когда смешала его с религиозным дискурсом и возникла метафизика; второй раз, когда спуталась с дискурсом научным и возникла идея экспертизы как знания социально полезного и прагматически обоснованного.

Чем же плоха экспертная функция современной философии, ведь еще Ю. Хабермас подчеркивал важность включенности философии в современный гуманитарный дискурс через обоснование необходимости «экспертного мнения»? Некоторые современные философы также считают, что философия должна стать экспертизой [13], разновидностью гуманитарной экспертизы, которая должна обеспечить легитимность философских высказываний относительно проблем биоэтики и других вопросов «эммерджентного мышления». Однако такой подход, заведомо сужающий возможности философского дискурса, уязвим для критики.

Критике философии как экспертизы посвящен следующий клип Ф. Гиренка. «Современная философия – это экспертиза. А экспертиза по своему существу есть нечто бесполое. Поэтому сегодня философы не являются ни мужчинами, ни женщинами. Они являются экспертами, гуманитарными технологами. Если философия – это экспертиза, то она не может быть личностным актом, поступком... Он не маргинал. Философия эксперта – это философия без поступка. А философия без поступка – это просто болтовня, языковое неистовство, отношение к объекту, не опосредованное отношением к самому себе. Эксперт даже не мыслитель, ибо глух к шагам тавтологий в пространстве мысли» [2, с. 27]. Обратим внимание на два обстоятельства, помогающие понять специфику современной философии. Первое – это «бесполость» философии, экспертная культура, как форма обезличенного социального знания, принятая на Западе, поистине совершает гендерный переворот в сознании российского интеллектуала. Если пол эксперта не важен, он должен выступать как анонимная и обезличенная форма институции, способная производить ответственные высказывания, и именно они являются востребованными для современного общества,

то для философии это обстоятельство поистине губительно, личностный, субъектный характер философии – это тот мировоззренческий стержень, вынимать который без потери существенного содержания философской традиции нельзя. Второе обстоятельство связано с «философией поступка» (термин М. Бахтина), экспертиза не является поступком, поскольку не действует человеческую мысль и остается «только болтовней», совокупностью высказываний, за которыми нет живого человека, мыслящего, сомневающегося и способного услышать «шаги тавтологий в пространстве мысли». Поэтому философия не может быть экспертизой, даже ценой собственного включения в дискурсивные практики современного общества, то есть культурной институционализацией.

По мысли Ф. Гиренка есть особая разновидность экспертов от философии, которых он называет «патологоанатомами» и причисляет к ним историков философии. «Философия – это не история философии. Историки – это патологоанатомы философии. Всякая философия умирает, если она перестает плести вяжущие связи между тавтологиями и парадоксами, своими метафорами и абсурдом. А это значит, что сегодня философы не мыслят сами. Они могут только переживать заново те мысли, которые ранее были помыслены» [2, с. 27]. Ценность истории философии нулевая, она не дает ничего нового человеку, никаких новых переживаний, но самое главное, «она перестает плести вяжущие связи между тавтологиями и парадоксами», что совершенно недопустимо для современного философского дискурса.

К историкам философии есть претензии и у Ричарда Рорти, который считает, что историко-философское исследование не должно быть «доксографией», возможно, худшей формой философского дискурса. «Этот жанр – самый распространенный и одновременно наиболее сомнительный. Я буду называть его «доксографией». Истории, выполненные в этом жанре, обычно начинаются с Фалеса или Декарта и заканчиваются современными историками авторами: в них описывается, что думали о проблемах, традиционно считающихся «философскими», персонажи, традиционно именуемые «философами». Истории такого рода чаще всего навевают скуку и разочаровывают... Даже самые честные и исчерпывающие книги под названием «История философии» примитивизируют и искажают исследуемых персоналий, превращают их в мумии» [14, с. 79–80]. Анализ и описание мумий сродни патологоанатомированию, и то и другое недостойно философа, даже если получаемый в итоге текст избавлен от скуки и разочарований для читателя. Заслуживает внимания и тот факт, что Р. Рорти помещает такой опыт в кавычки, философия становится «философией», а философы «философами», что очевидно даже для дилетантов, далеких от философии.

В качестве переходной формы ускользающего образа современной философии следует упомянуть еще один клип Ф. Гиренка, связывающий философию с опытом утешения, своеобразной разновидностью психотера-

пии. «Но если философия перестает быть метафизикой, то тогда ее нужно понимать как утешение, а философа – как утешителя, который практикует субъективирующее мышление. То есть что он делает? Он переводит униженных и оскорбленных из одного состояния в другое, в котором они забывают о том, что унижены и оскорблены... Тем самым философия становится коллективной психотерапией» [2, с. 25]. Другой отечественный аналитик А. А. Грякалов связывает психотерапевтический характер современного философствования с той (топологической) работой, которую выполняет философия при определении социального и культурного «места» субъекта, в этом проявляется коммуникативная природа философского дискурса. «Феномен (пост)современности выходит за пределы коммуникации и становится пространством формирования культурного поведения, которое оказывается значимо для стратегий идентификации. Тут философия даже сближается с социальной терапией, когда (современный) философ некоторым образом замещает собой психоаналитика» [3, с. 6].

Клиповый характер современного философского мышления накладывает свой отпечаток на структуру и характер философского текста. Можно согласиться с мнением Ф. Гиренка, что современный философский текст с неизбежностью становится фрагментарным, лоскутным, состоящим из множества цитат, референций, обрывков чужих мыслей. «Сегодня даже аспиранты знают, что диссертации и книги носят непонятный характер. Они сшиваются так же, как одеяло из лоскутков фраз, из обрывков чужих мыслей, из фрагментов, которые называются открытыми цитатами, референциями, аллюзиями, скрытыми цитатами, пересказами и критикой. Даже ирония стала сегодня способом присвоения того, что принадлежит сфере чужого ума» [2, с. 14].

Кроме того, что такое положение вещей является следствием разрушения «понятийного мышления» классической философии, здесь также следует учитывать саму специфику современного постмодернистского текстопорождения, использующего технику «пастиша». Эта техника с новой остротой ставит вопрос об авторстве философского текста, проблеме оригинальности, плагиата и «иронии» в его переписывании. «В любом современном философском тексте можно найти следы другого текста. А это значит, что тождественность текста самому себе не гарантирована авторской подписью... Современный философский текст – это лоскутное одеяло, сшитое в апроприативной технике. В нем есть неотмеченные цитаты, пересказы, референции, аллюзии и отмеченные цитаты. Плагиат выступает сегодня в благородной форме пародии и в стиле пастиш, как подражание мастеру. Ирония покровительствует откровенной эксплуатации ранее найденных философией схем мысли... Какой бы текст философ ни написал, в нем обязательно проступит уже кем-то написанная фраза» [2, с. 26–27]. За ироничностью и фрагментарностью текстов самого Ф. Гиренка стоит на самом деле большая проблема современных философских текстов – необ-

ходимость расстаться с иллюзией оригинальности, пересмотреть «авторскую функцию» (термин М. Фуко) и смириться с неизбежной фрагментарностью и вторичностью любого текста, его необязательностью и случайностью. В эпоху постмодерна философский текст может существовать только как «пастиш», ироничное подражание стилю «мастера», как более или менее удачная «нарезка» цитат и комментариев к ним, а также как «экспертный» обзор существующих заблуждений со стороны предшествующей традиции. Современный философ, претендующий на оригинальность собственных мыслей, либо сумасшедший, либо плохо осведомленный в философии дилетант и графоман по своей природе.

Подводя итоги современному состоянию философского дискурса в России, следует согласиться в Ф. Гиренком, утверждающим, что «...за последние 50 лет пространство свободных размышлений резко сузилось. Оно оказалось никому не нужным. Из философии исчезли имена. Пространство мысли затопило усредненное безмыслие. Одна часть философов мигрировала в сторону литературы, другая направилась в сторону науки. Первые стали приложением к тексту, вторые превратились в комментаторов науки» [2, с. 33]. Подобная языковая «миграционная политика» в дискурсе современной философии предъявляет новые требования к роли философского текста в пространстве современной культуры.

Философский текст современности вынужден решать ряд важных проблем гуманитарного знания в эпоху постмодерна. Во-первых, это освоение и использование Интернет-технологий в качестве той «среды обитания», которая обязывает все существующие формы гуманитарного знания искать адекватные и современные каналы собственной реализации в структурах «гипертекста» [6]. Во-вторых, для современного философского мышления актуальной является проблема поэтики и прагматики философского текста, которая решается через актуализацию двух основополагающих стратегий отношения к тексту – «чтения» и «письма» [9]. И, в-третьих, чтобы определить «место» философии в современной гуманитарной культуре необходимо использовать «топологику» в качестве той методологии исследования философского текста, которая не только позволяет структурировать дискурс [7], но и определять перспективы развития гуманитарного знания в целом и современной философии в частности [8].

Список литературы

1. Блох Э. Тюбингенское введение в философию / Пер. с нем. Т. Ю. Быстровой, С. Е. Вершинина, Д. И. Криушова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 400 с.
2. Гиренко Ф. И. Клиповое сознание. – М.: Проспект, 2016. – 256 с.
3. Грякалов А. А. Письмо и событие. Эстетическая топография современности. – СПб.: Наука, 2004. – 485 с.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.

5. Докука С. В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 169–176.
6. Еникеев А. А. Гипертекст в пространстве современного социально-гуманитарного дискурса: проблема философского обоснования // Гипертекст как объект лингвистического исследования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. С. А. Стройков. – Самара, 2010. С. 43–46.
7. Еникеев А. А. Методологические парадигмы исследования философского текста // Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 4. С. 16–23.
8. Еникеев А. А. Методология топологической аналитики в социально-гуманитарном дискурсе XX века (исторический экскурс и постановка проблемы) // Культурная жизнь Юга России. – 2014. – № 3(54). С. 34–36.
9. Еникеев А. А. Проблема чтения и письма в контексте поэтики и прагматики философского текста // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 122. С. 867–887.
10. Козлова О. Д., Киндеркнехт А. С. Феномен клипового мышления: между стереотипом и ризомой // Вопросы философии. – 2018. – № 2. С. 39–45.
11. Кошель В. А., Сегал А. П. «Клиповое мышление» как форма обыденного сознания // Международный академический вестник. – 2015. – № 4(10). С. 15–23.
12. Крайнов А. Л. Клиповое мышление в контексте образовательных практик: социально-философский анализ // Изв. Саратов. ун-та. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. – Т. 19, вып. 3. С. 262–266.
13. Пронин М. А., Юдин Б. Г., Синеокая Ю. В. Философия как экспертиза // Философский журнал. – 2017. – Т. 10. № 2. С. 79–96.
14. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра / Пер. с англ., вступ. статья, комментарии И. Джохадзе. – М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. – 176 с.
15. Фрумкин К. Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // Internum. – 2010. – № 1. С. 26–36.

УДК 316.7

Железнякова С. И.

МОЛОДЕЖЬ В ПРОСТРАНСТВЕ АКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи культурных ориентиров молодежи с динамикой культурной трансформации общества. Определены противоречия процессов формирования культурных запросов и потребностей молодежи. Проанализированы тенденции и особенности нынешнего этапа развития общества с точки зрения актуальной культуры. Приведены статистические данные, иллюстрирующие выдвинутые тезисы.

Ключевые слова: молодежь, культура, актуальная культура, массовая культура, ценности.